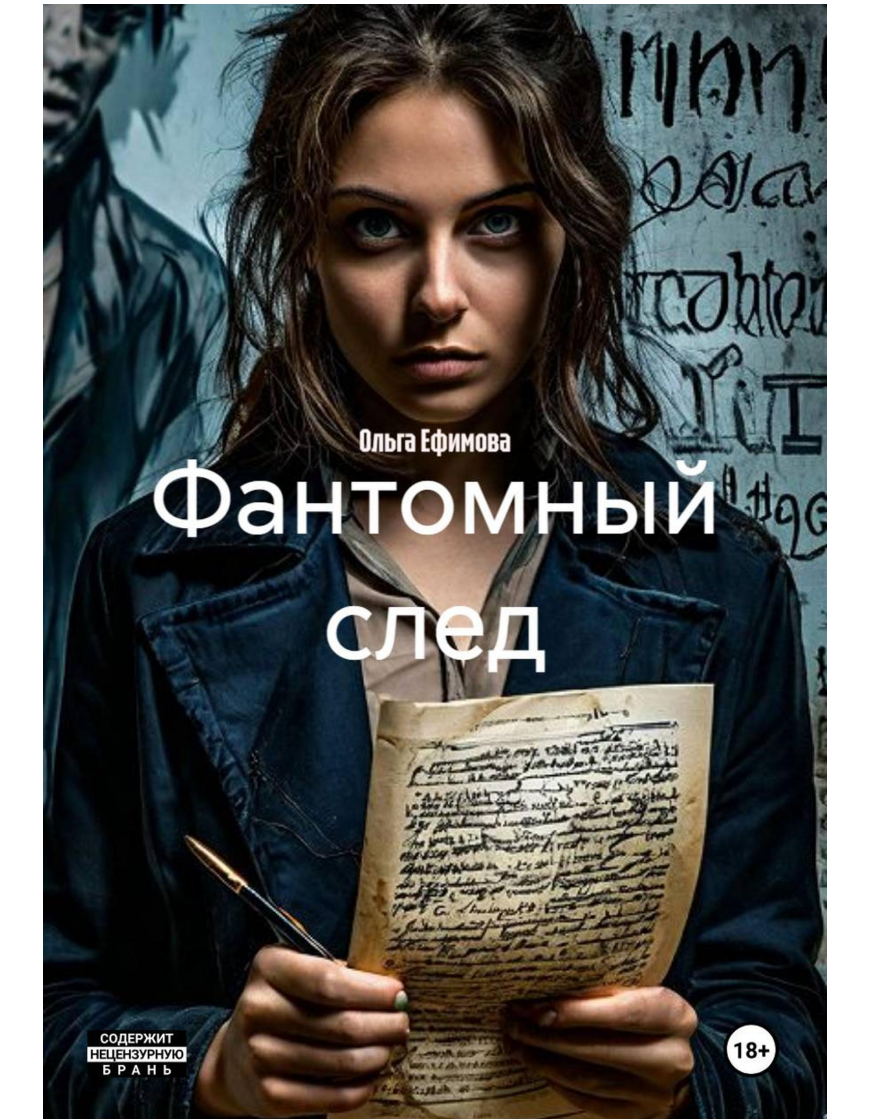

A movie poster featuring a young woman with long, dark, wavy hair and striking blue eyes. She is wearing a dark blue jacket over a light-colored shirt. She is looking directly at the camera with a serious expression. In her hands, she holds a piece of aged, yellowed paper with handwritten text in a cursive script, and a pen. The background is a textured wall with graffiti, including the words 'MIM', 'DACA', 'rebirth', and 'IT'.

Ольга Ефимова

Фантомный след

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

ФАНТОМНЫЙ СЛЕД

<https://litres.ru/74380918>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она читает почерк, как открытую книгу. Но что, если за каждой строкой стоит смерть? Алина Градова — психолог-графолог, чьи методы академическая среда считает шарлатанством. Её жизнь рушится: научная карьера поставлена на колени, а имя отца, легендарного эксперта, осуждённого за подделку документов, покрыто позором. Но когда в Москве начинают находить тела успешных риелторов, а рядом с каждым трупом оставлена идеально ровная подпись — безупречная, без единой дрожи, — полиция оказывается в тупике.

Алину приглашают как консультанта. Она сразу видит: подписи — не просто подделка. Это послание. Иероглиф, который оставляет тот, кто мнит себя архитектором абсолютной линии. Тот, кто двадцать пять лет назад уничтожил её отца.

Чем глубже она проникает в тайны старых документов, тем яснее понимает: убийца не просто метит жертв. Он ждал её.

«Фантомный след» — это леденящий душу детективный триллер о том, как прошлое настигает нас там, где мы меньше всего ждём.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Академический тупик	10
Глава 2. Предложение от полковника	27
Глава 3. Типография	48
Глава 4. Конверты	63
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ольга Ефимова

Фантомный след

Пролог

Последняя подпись

Москва пахнет июльской пылью и асфальтом, но внутри квартиры на сорок втором этаже «Монарх-Тауэр» этот запах перебивается другим — сладковатым, металлическим, с горькой ноткой пороховой гари. Детектив Ковалёв, старший криминалист Управления, натягивает бахилы на ботинки и переступает порог. Он работал на местах убийств восемнадцать лет, но каждый раз его желудок делает странный кульбит.

Просторная гостиная в бежево-песочных тонах выглядит так, будто её только что проутюжили: ни пятен, ни разбросанных вещей, ни следов борьбы. Диван из итальянской кожи, стеклянный журнальный столик, на нём — недопитый бокал виски. Идеальный порядок. Идеальный интерьер. Идеально чисто.

Ковалёв переводит взгляд на труп.

Мужчина лет пятидесяти, в дорогом сером костюме, откинулся на спинку кожаного кресла у окна. Голова запрокинута назад, на правом виске — аккуратное пулевое отверстие

с оплавленными краями. Кровь почти не разлилась; только тонкая струйка затекла за ухо и темной ниткой спустилась по воротнику рубашки. Картина чистая, почти стерильная. Убийца знал, куда стрелять, и знал, как не оставить беспорядка.

Рядом с креслом, на паркетном полу, лежит лист белой бумаги формата А4. Ровно, строго параллельно стене. А на листе — подпись.

Ковалёв наклоняется, надевает перчатки и поднимает лист. Подпись выполнена чёрной шариковой ручкой, простой, дешёвой, такие продают в любом канцелярском отделе. Имя и фамилия: *Березин Игорь Анатольевич*. Росчерк волнистый, буквы округлые, с лёгким наклоном вправо.

Но что-то в этой подписи не так.

Ковалёв щурится, подносит лист к лампе торшера. Все линии безупречны. Ни одного нажима, ни одной микроскопической дрожи. Буквы соединены так ровно, будто их начертил плоттер, а не живой человек. Даже в самом каллиграфическом почерке всегда есть «дыхание» — крошечные отклонения, неровности, сила нажима меняется в зависимости от усталости или эмоций. Здесь же — абсолютная статика. Словно рука, выводившая эти буквы, не знала сомнений, не ведала страха и не слушалась нервных импульсов мозга.

— Эксперты по почерку уже едут? — спрашивает Ковалёв у стоящего за спиной лейтенанта.

— Через час будут. Вы что-то нашли?

Ковалёв молчит. Он чувствует, как по спине пробегает холод. Четыре месяца назад он выезжал на аналогичное убийство — риелтор Светлана Ковальчук. Тогда тоже нашли лист с подписью, и тоже идеально ровной. Начальство списало на совпадение, а Ковалёв тогда заметил тот же странный дефект: в конце росчерка, где обычно петля выходит за линию, была короткая горизонтальная чёрточка, будто кто-то механически отрезал конец пера. Здесь — такая же чёрточка.

— Звони Воронцову, — тихо говорит Ковалёв. — Это не одиночное убийство.

Лейтенант выбегает в коридор. Ковалёв ещё раз оглядывает комнату. На тумбочке у входа — портфель Березина, раскрытый, содержимое аккуратно разложено: папки с документами, кредитные карты, записная книжка. Убийца ничего не взял. Ни денег, ни драгоценностей, которые Ковалёв замечает в открытой шкатулке на комоде. Только бумага и ручка. И, разумеется, сама подпись.

Криминалист подходит к окну. Внизу, в вечерней дымке, просыпаются огни города. Квартира Березина находится на последнем этаже, дверь была заперта изнутри на два замка — они взломали её сорок минут назад, когда соседка вызвала полицию из-за громкого выстрела. Но внутри нет никого. Следов взлома нет. Кондиционер работает на всю мощность, поэтому запах пороха ещё держится в воздухе.

Ковалёв снова смотрит на подпись. Как можно заставить человека поставить подпись, абсолютно лишённую индиви-

дуальных черт? Ему приходилось видеть подписи, сделанные под дулом пистолета: они выходили дрожащими, ломаными, с неестественным нажимом. А эта подпись — словно её ставил робот.

— Или тот, кто держал руку жертвы, — шепчет он вслух.

В прихожей слышатся шаги. Входит полковник Борис Григорьевич, начальник убойного отдела, с усталым лицом и отёкшими веками. Он смотрит на тело, затем на Ковалёва.

— Ну что, Ковалёв? Говоришь, похоже на то дело Ковальчук?

— Точнее не бывает, Борис Григорьевич. Та же бумага, та же ручка, та же абсолютная ровность. И тот же короткий рощерк в конце — как закругление. Я тогда отправил запрос в наш графологический отдел, мне ответили, что это невозможно — живой человек не может так написать. А они пишут.

Полковник берёт лист, долго смотрит на подпись, потом переводит взгляд на труп. Молчит. Затем произносит:

— Третий за полгода. Игорь Березин, Светлана Ковальчук, Фёдор Якубович. Все из одной сферы, все риелторы. Все убиты выстрелом в голову. И везде — эта чёртова подпись. Как будто убийца не хочет, чтобы мы про него забыли. Значит, надо искать того, кто одержим буквами.

— Я думаю, это профи, — говорит Ковалёв. — Кто-то с медицинскими или психологическими знаниями. Но главное — этот человек оставляет нам своё послание. Мы не рас-

шифровали его ещё.

Полковник кивает и вдруг усмехается горькой усмешкой:
— У меня есть кандидатура. Вчера генерал Воронцов звонил, предлагал одну женщину, графолога. Говорит, она дочь того самого Градова, который... ну, неважно. Я сначала отмахнулся. А теперь вижу — придётся звать. Такие дела не раскрываются грубой силой.

Ковалёв удивлённо поднимает брови:

— Градова? Андрей Градов? Легендарный графолог, который... был осуждён за подделку?

— Он самый. Но дочь, говорят, подаёт надежды. Если её метод — не шарлатанство, пусть приходит и смотрит на наши «каракули». У нас есть месяц, пока пресса не пронюхает про серию.

Полковник прячет лист в пластиковый пакет, кладёт его в портфель и направляется к выходу. Уже в дверях он оборачивается:

— Ковалёв, ты знаешь, что в этих подписях нет ни капли человеческого? Когда смотришь на них, кажется, что бумагу касался не человек, а сама смерть. А смерть, она, как известно, не дрожит. И не ошибается.

Ковалёв остаётся один в квартире. Он подходит к столу, берёт ту самую ручку, которой была выполнена подпись. Дешёвый пластик, стёртый логотип. Убийца купил её на заправке или в ларьке. Наверное, тысячу таких ручек. Но главное не в этом.

Главное — на листе осталась не просто подпись Березина. Там осталась чья-то одержимость совершенством. И Ковалёв почему-то был уверен: до того, как они найдут того, кто пишет идеально, он ещё увидит множество таких листов.

Часы на стене показывают 20:47. За окном гаснет заря. И в этой безупречной квартире, среди запаха виски и пороха, Ковалёв впервые за многие годы понимает, что стоит на пороге чего-то большего, чем простое убийство.

На столе, рядом с портфелем, лежит визитка. На ней — имя и номер телефона. *Алина Градова, психолог-графолог.*

Глава 1. Академический тупик

Зал заседаний Института психологии имени Ломоносова был рассчитан на триста человек, но сегодня здесь не хватало даже половины. Пустующие кресла в задних рядах зияли темными провалами, и Алина Градова, стоя на трибуне, прекрасно видела эту пустоту. Она понимала: её доклад поставили в последнюю очередь, в пятницу, в четыре часа дня, когда даже самые преданные науке умы уже мысленно растворялись в предвыходных планах. Оргкомитет сделал всё, чтобы минимизировать аудиторию.

Но те, кто пришёл, пришли не из любопытства. Они пришли, чтобы посмеяться.

Алина поправила микрофон на лацкане жакета, глубоко вдохнула и бросила взгляд на первый ряд. Там восседал сам академик Сергей Павлович Серебряков — шестидесятилетний мэтр с седой гривой и очками в тяжёлой золотой оправе, которые он постоянно поправлял указательным пальцем. Рядом с ним сидели его аспиранты, двое молодых людей с одинаковыми скучающими лицами, и профессор Кравчук, который откровенно зевал, прикрывая рот ладонью.

Алина знала: они пришли не слушать, а опровергать. И это было её единственным шансом.

— Уважаемые коллеги, — начала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Тема моего доклада —

«Графология как инструмент криминалистической психологии: эмпирическое обоснование метода». Я не буду тратить ваше время на теоретические экскурсы в историю вопроса, поскольку все мы знаем, что графологию в академической среде принято считать лженаукой. Я здесь для того, чтобы представить результаты многолетнего исследования, доказывающего обратное.

В зале послышался сдержанный смешок. Серебряков даже не попытался его скрыть — он откинулся на спинку кресла и демонстративно сложил руки на груди, всем своим видом показывая: валяй, девочка, удиви нас.

Алина нажала кнопку на пульте, и за её спиной на экране высветилась диаграмма.

— В течение пяти лет я собирала образцы почерка более чем у двух тысяч респондентов, имеющих диагностированные психические расстройства, а также у контрольной группы здоровых людей. Используя методы машинного обучения и нейросетевой классификации, я разработала алгоритм, позволяющий с вероятностью до восьмидесяти семи процентов определять наличие тревожных, депрессивных и психопатических черт по ключевым графическим маркерам. Например, вот здесь...

Она указала указкой на выделенную зону диаграммы.

— ...вы видите корреляцию между силой нажима и уровнем кортизола в слюне испытуемых. Это биологически обоснованный показатель, а не эзотерика. Чем выше стресс, тем

более хаотичен характер линий, тем больше разрывов в связках между буквами.

Серебряков поднял руку, даже не дождавшись паузы.

— Простите, Градова, — сказал он с лёгкой усмешкой, — но ваша корреляция может быть объяснена обычным психомоторным возбуждением, которое не имеет ничего общего с «графическим бессознательным». Вы пытаетесь выдать за науку статистический шум.

Алина сжала челюсти. Она знала, что он это скажет. Знала и подготовилась.

— Уважаемый Сергей Павлович, я провела контрольное исследование с участием профессиональных актёров, которых просили изображать различные эмоциональные состояния. Их почерк не демонстрировал тех же закономерностей, что у реальных пациентов. Значит, речь идёт не о произвольной имитации, а о неосознаваемых двигательных паттернах, которые невозможно подделать. Это прямой аналог микровыражений лица, только зафиксированный на бумаге.

В зале наступила тишина. Алина увидела, как несколько человек в средних рядах переглянулись. Она поймала одобрительный взгляд немолодой женщины из отдела нейропсихологии — та кивнула почти незаметно. Но Серебряков не собирался сдаваться.

— Градова, вы, кажется, забываете, что в 2008 году Российская академия наук официально признала графологию псевдонаукой, не имеющей доказательной базы. Ваши ней-

росети, ваши корреляции — это попытка придать респектабельность гаданию. Я не вижу здесь никакого научного прорыва. Скорее, я вижу желание любой ценой оправдать метод, которым пользовался ваш покойный отец, и который, как мы помним, привёл его на скамью подсудимых.

У Алины перехватило дыхание. Зал взорвался шепотками. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам, как ладони становятся влажными. Серебряков ударил в самое болезненное место, и сделал это публично, безжалостно. Она знала, что он использует этот аргумент, но не ожидала, что так рано, так грубо и прямо.

Она медленно опустила указку, стараясь унять дрожь в пальцах.

— Моя личная история, Сергей Павлович, не имеет отношения к научной дискуссии. Но раз вы её затронули, я отвечу. Мой отец был осуждён на основании подложных экспертиз, и его дело до сих пор не пересмотрено. Я занимаюсь графологией не для того, чтобы реабилитировать его имя. Я занимаюсь ей, потому что она работает. И если вы дадите мне возможность провести независимую проверку моих данных, вы убедитесь в этом сами.

— Независимую проверку? — Серебряков снял очки и протёр их платком, явно наслаждаясь моментом. — Дорогая моя, для независимой проверки нужны гранты, а гранты выделяют на перспективные проекты, а не на реабилитацию средневековых методов. К тому же, в нашей стране су-

ществует всего несколько графологов, которых привлекают к судебным экспертизам, и все они, как вы знаете, не имеют академических званий. Это говорит о многом.

Он сделал паузу, обвёл взглядом зал и добавил с елеинной улыбкой:

— Я бы на вашем месте, Алина Андреевна, задумался о смене карьеры. Может быть, преподавательская деятельность в среднем звене? Или частная практика для доверчивых домохозяек? Уверен, спрос есть.

Зал ответил смехом. Не громким, но достаточным, чтобы Алина почувствовала себя уничтоженной. Она видела, как аспиранты Серебрякова переглядываются с торжествующими улыбками, как Кравчук одобрительно кивает. Она смотрела на эти лица и понимала: они даже не слушали её доводов. Они пришли сюда, чтобы подтвердить свою правоту, и она дала им такой повод.

Она могла бы возразить, привести ещё факты, показать слайды с результатами двойных слепых тестов, но какой в этом смысл? Аргументы разбивались о предубеждение, как волны о гранитный берег.

— У меня всё, — сказала она сухо и выключила презентацию. Экран погас, и зал погрузился в полумрак. Кто-то зааплодировал — одинокий, смущённый хлопок, который сразу затих.

Алина сошла с трибуны, стараясь не смотреть на Серебрякова. Она прошла между рядами к выходу, слыша за спи-

ной приглушённые голоса: «Ну и ну, дочка Градова», «Опять эту ересь тащат», «А ведь она неплохо выглядит, жаль, что головой не вышла». Она сжала кулаки и ускорила шаг.

В коридоре её нагнал голос — спокойный, вкрадчивый. Она обернулась. Это был профессор Кравчук, тот самый, что зевал в первом ряду. Теперь он выглядел вполне бодро и смотрел на неё почти сочувственно.

— Алина Андреевна, минуточку.

Она остановилась. Кравчук подошёл ближе, понизил голос:

— Послушайте, я понимаю, это неприятно. Но Серебряков прав в одном: в нынешней академической среде вам не пробиться. Он блокирует все ваши заявки на гранты уже третий год. Я знаю, вы талантливый исследователь, но вы боретесь с системой, которая не примет графологию никогда, ни при каких условиях.

— Спасибо за поддержку, — горько усмехнулась Алина.

— Очень ободряет.

— Не иронизируйте. Я предлагаю вам реальную возможность. Завтра заседание комиссии по распределению грантов, и я могу, скажем, так, не голосовать против вас, если вы согласитесь на некоторые изменения в вашей заявке. Например, исключите все упоминания о графологии и сосредоточьтесь на чисто статистическом анализе. Мы могли бы подать это как исследование психомоторных коррелятов эмоциональных состояний, без всяких «графических порт-

ретов».

Алина прищурилась:

— То есть вы предлагаете мне переименовать метод, убрать все термины, которые делают его уникальным, и превратить в безликую статистику, чтобы получить грант на пятьсот тысяч рублей, которого всё равно не хватит на полноценное исследование? Зачем мне это?

— Затем, — Кравчук сделал шаг ближе, и его голос звучал почти доверительно, — затем, чтобы вы не вылетели из Института. Серебряков собрал комитет по этике, он хочет лишить вас права заниматься научной работой. Завтра будет голосование. Если вы не покажете, что готовы идти на компромисс, вас просто отстранят.

У Алины похолодело внутри. Она знала, что Серебряков мстителен, но чтобы настолько... Лишить её работы, её единственного источника дохода и смысла жизни — это был удар ниже пояса. И она понимала, что Кравчук не врёт. Такие вещи в их мире обсуждаются в кулуарах за месяц, а потом обрушиваются как снег на голову.

— Я подумаю, — выдавила она, хотя в голосе не было ни капли решимости.

— Не тяните, — сказал Кравчук и развернулся, оставляя её в полумраке пустого коридора.

Алина постояла несколько секунд, пытаясь восстановить дыхание. Она знала, что должна была сразу же уйти, но ноги не слушались. Она оперлась о стену, прикрыла глаза. Пе-

ред внутренним взором встало лицо отца — Андрея Градова, того самого, который когда-то был светилом кафедры, а потом превратился в преступника, фальсификатора, изгоя. Она помнила его руки — крупные, с длинными пальцами, всегда пахнувшие чернилами и бумагой. Он учил её различать почерки с пяти лет: «Смотри, Алиночка, эта буква „т“ имеет нижнюю петлю — значит, человек скрывает тревогу. А эта „р“ с разрывом — он не доверяет себе». Тогда это было игрой, волшебством. Потом стало наукой. А потом — проклятием.

Она открыла глаза, оттолкнулась от стены и пошла к выходу из здания. Июльский вечер окутал небо глубоким синим цветом. Фонари зажглись, отбрасывая на мокрый асфальт длинные тени. Днём был дождь, и воздух всё ещё хранил влажность. Алина надела пальто, застегнулась и побрела к метро. Мысли путались, в голове эхом звучали слова Серебрякова: «ваш отец... скамья подсудимых».

Она села в вагон, автоматически прислонилась к двери, не замечая ни толчеи, ни грохота колёс. До дома оставалось шесть станций, и эти пятнадцать минут она провела, глядя в одну точку, перебирая в памяти все свои ошибки. Может, не нужно было настаивать на термине «графология»? Может, стоило назвать это «когнитивно-моторным профилированием»? Но тогда бы это была уже не её работа. Она хотела вернуть имя отца, доказать, что он не был шарлатаном, что всё, чему он учил, имеет под собой реальную основу. А теперь

она сама стоит на грани краха.

Дом встретил её запахом старой мебели и пыли — однокомнатная квартира в сталинке на окраине, которую она снимала уже третий год. Хозяйка, пожилая женщина, жила этажом выше и иногда заходила «проведать» — то есть проверить, не испортили ли её любимые паркетные полы. Алина сняла туфли, прошла на кухню, включила чайник. На столе лежала стопка неотвеченных писем: счета, реклама, уведомление из налоговой. И среди них — плотный конверт с гербовой печатью, без обратного адреса.

Она распечатала его дрожащими пальцами. Внутри лежал официальный бланк Министерства внутренних дел, подписанный незнакомой фамилией, но в углу стояла печать Управления по особо важным делам. Алина пробежала глазами:

«Уважаемая Алина Андреевна! В связи с затянувшимся расследованием серии убийств, имеющих нестандартный почерк, и ввиду рекомендаций генерал-лейтенанта Воронцова В.И., предлагаем вам явиться завтра, 15 июля, в 10:00 в здание Главного следственного управления по адресу... для консультации в качестве эксперта-графолога. При себе иметь паспорт и диплом о высшем образовании. Оплата гарантируется».

Алина перечитала письмо трижды. Серия убийств? Нестандартный почерк? Генерал Воронцов — тот самый, который был другом её отца и единственный, кто не отвернул-

ся после суда. Она не видела его больше пятнадцати лет, с тех пор как уехала из родительского дома в другой город. И вот он вспомнил о ней.

В голове пронеслась мысль: «Это же работа! Настоящая работа, где мой метод будет востребован. Но зачем мне, неудачнице, которую только что разгромили на конференции, идти в МВД? Там же все будут смотреть на меня как на чудачку. И если я провалюсь, это будет окончательный крест на моей карьере».

А затем другая мысль, более тёмная: «А что, если это подстава? Серебряков мог организовать это, чтобы окончательно меня добить. Вызвать в полицию, дать ложное дело, опозорить на всю страну».

Она положила письмо на стол, налила себе чаю, но пить не стала. Просто смотрела на строчки, напечатанные на дорогой бумаге. Печать Управления была настоящей — она видела такие раньше, когда отец получал официальные запросы на экспертизы. Никто не подделывает гербовые печати ради шуток.

За окном стемнело окончательно. В Москве зажглись огни, и их отражения плясали на стекле. Алина взяла телефон, нашла в контактах старый номер, который не набирала годами. Там значилось: «Воронцов В.И.». Она помедлила, затем нажала вызов.

Трубку сняли после первого же гудка, словно её ждали.
— Алина? — раздался низкий, хрипловатый голос, кото-

рый она сразу узнала. — Я знал, что ты позвонишь.

— Здравствуйте, генерал, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Я получила ваше письмо. Что это за дело?

— Не по телефону, Алина. Завтра в десять утра, как написано. Приходи, сама всё увидишь. Это важно. И, пожалуйста, доверься мне. Я помню твоего отца. Он был выдающимся человеком, и ты, я слышал, пошла по его стопам. Ты нам нужна.

— Но меня только что выгнали из института, — вырвалось у неё. — Серебряков... он сказал, что я больше никогда не получу грант, что меня исключат из академической среды.

Генерал помолчал, затем ответил:

— Значит, это судьба. В системе МВД тебя никто не выгонит за то, что ты графолог. Наоборот, здесь таких, как ты, считанные единицы, и они работают не покладая рук. У нас есть три убийства, Алина. Три абсолютно идентичных почерка в прямом и переносном смысле. Эксперты разводят руками. Мы перебрали всех графологов в городе, но никто не может сказать ничего внятного. А твой отец... он когда-то раскрыл похожее дело, но его никто не слушал. Я не хочу, чтобы история повторилась.

Алина почувствовала, как по спине пробегает холодок. Три убийства... И похожее дело отца. Это не может быть случайностью. Она прикусила губу и спросила:

— Это как-то связано с ним? С делом, по которому его осудили?

— Придѣшь — скажу, — ответил генерал. — Завтра, Алина. И да, возьми с собой лупу, если пользуешься. Шутка.

Он отключился, а Алина продолжала держать телефон у уха, слушая короткие гудки. Лупа? Она улыбнулась — это была старая шутка отца, который всегда носил с собой лупу для анализа микроскопических деталей. Генерал помнил. И это внушало доверие.

Она поставила чашку, прошла в комнату, где стоял её рабочий стол, заваленный книгами, распечатками, образцами почерков. Она взяла одну из папок, где были собраны документы по делу отца — копии, которые ей удалось раздобыть через знакомого адвоката. Перелистала страницы, вглядываясь в знакомые завитки, в подписи, в заключения экспертиз. Тогда, двадцать пять лет назад, отца обвинили в подделке завещания. Якобы он сознательно изменил нажим и наклон в спорной подписи, чтобы сделать её похожей на подпись умершего наследодателя. Но Алина, изучая эти бумаги годами, пришла к выводу: подделка была сделана не отцом, а кем-то другим, кто виртуозно владел техникой копирования, но допустил одну ошибку — микроскопический разрыв в букве «р» в конце подписи. Именно эту особенность она видела во всех подозрительных документах. И она была уверена, что тот, кто подставил отца, до сих пор на свободе.

Теперь новое дело, три убийства, и снова подписи. Алина почувствовала, как сердце забилось быстрее. Может быть, это тот самый шанс? Не просто получить работу, а нако-

нец, добраться до истины, которая мучила её всю взрослую жизнь.

Она села за стол, открыла ноутбук и начала набирать письмо Кравчуку, чтобы отказаться от его предложения. Но пальцы замерли над клавиатурой. Она подумала: если она уйдёт в МВД, то академическая карьера будет окончательно закрыта. Серебряков получит подтверждение своей правоты — «Градова ушла в шарлатаны», — и это навсегда закроет ей дорогу в университеты. Игра стоит свеч? Она не знала.

Тогда она закрыла ноутбук, встала, подошла к шкафу и достала старую кожаную папку, которую хранила как зеницу ока. Внутри лежал последний дневник отца. Она открыла его на случайной странице и прочитала знакомый, любимый почерк:

«Сегодня меня вызвали в суд по делу Успенского. Экспертиза показывает подделку, но я уверен, что почерк на завещании — копия работы Трофимова. Этот человек одержим идеальной линией. Он ненавидит дрожь и случайность. Но природа линии в том, что она всегда несёт в себе случайность. Идеальная линия — это ложь. Я должен доказать это, но никто не хочет слушать. Если со мной что-то случится, Алина, помни: ищи разрыв в „р“. Это его автограф».

Алина перечитала эти строки, и слёзы навернулись на глаза. Трофимов... Это имя она встречала в дневниках десятки раз. Отец говорил о нём как о гениальном ученике, который перешёл на тёмную сторону. Но куда он исчез? И связан

ли он с нынешними убийствами? В письме МВД не было ни слова о нём, но Алина чувствовала — связь есть.

Она убрала дневник, выключила свет и легла на диван, глядя в потолок. В голове роились мысли, и она не могла уснуть. Завтра в десять утра она должна прийти в незнакомое здание, встретиться с незнакомыми людьми, взглянуть на трупы и на подписи, которые свели с ума всех экспертов. А потом сказать, что она видит. И если она ошибётся, её имя будет навсегда погребено под обломками насмешек.

Но если она права... Если она сможет найти тот самый «разрыв в „р“», который отец описал как автограф убийцы, то она не только докажет состоятельность своего метода, но и пересмотрит дело отца. Это было больше, чем просто карьера. Это была миссия.

Где-то за окном проехала машина, и свет фар скользнул по стене, осветив старый портрет отца на книжной полке. Он улыбался, как всегда, чуть насмешливо, словно знал, что Алина придёт к этому моменту. Она перевела дыхание и закрыла глаза, решив, что всё равно уснуть не удастся, но организм предал её, и она провалилась в тревожный сон без сновидений.

Разбудил её телефонный звонок в восемь утра. Алина подскочила, схватила трубку, думая, что это генерал Воронцов звонит с отменой. Но на экране высветился неизвестный номер. Она нажала «принять».

— Алина Градова? — спросил мужской голос, резкий, ме-

таллический.

— Да, слушаю.

— Вы не могли бы приехать на час раньше? Я капитан Ивлев, из следственного отдела. Генерал Воронцов поручил мне встретить вас. Дело приобрело неожиданный оборот. Сегодня ночью нашли четвёртого убитого. И при нём была записка, адресованная лично вам.

Алина застыла. Кровь отлила от лица. Она слышала, как в трубке шумит ветер, словно капитан звонил с улицы, из толпы.

— Записка мне? — переспросила она, чувствуя, как начинают дрожать руки. — Что там написано?

— Мы не знаем, — ответил капитан. — Она зашифрована. Среди всего текста только одно слово, написанное от руки, и оно — ваше имя. Остальное — типографский шрифт, но мы думаем, что это послание предназначено именно вам. Приезжайте. Быстро.

И он отключился. Алина смотрела на тёмный экран телефона, и в ушах звенела тишина. Записка с её именем. Убийца знает её. Он выбрал её, ещё до того, как она согласилась участвовать в расследовании. Это не случайность. Это приглашение. Или предупреждение.

Она вскочила с дивана, начала лихорадочно одеваться. Глаза искали лупу — старую, отцовскую, с потёртой ручкой. Она сунула её в сумку, накинула пальто и выбежала из квартиры, даже не заперев дверь — настолько её охватила паника

и решимость одновременно.

В лифте она смотрела на своё отражение в зеркальной стене: бледное лицо, растрёпанные волосы, но глаза горят. Кажется, сейчас она была готова на всё. И когда двери лифта открылись на первом этаже, она на мгновение замерла, услышав странный звук, доносящийся из почтового ящика. Там, внутри, застрял чей-то конверт, просунутый, видимо, ночью.

Она подошла, открыла ящик и достала белый конверт без марки. Внутри — лист бумаги, пустой, если не считать одной фразы, нацарапанной чёрной шариковой ручкой ровными, как линейка, печатными буквами:

«Ты уже на линии. Не переходи её».

Алина выронила лист. Бумага упала на пол, белая, безмятежная, но буквы на ней кричали. Она подняла его, положила в карман, не оглядываясь, выбежала из подъезда и нырнула в первую попавшуюся машину такси.

— Адрес? — спросил водитель.

Она назвала здание Главного следственного управления, и машина тронулась. Алина сжала в руке отцовскую лупу и закрыла глаза. Четыре убийства. Записка на её имя. Угроза в почтовом ящике. Она понятия не имела, во что ввязывается, но одно было ясно: пути назад нет. Её линия уже началась, и она должна была её дописать, чего бы это ни стоило.

Машина свернула на набережную, и в окне мелькнул силуэт высокого здания с флагом на крыше. Вход в Управление, массивные двери, два охранника у входа. Всё это каза-

лось ей декорацией к фильму, но пульс грохотал в висках так сильно, что она слышала его сама.

Она расплатилась, вышла и, глубоко вздохнув, ступила на серую плитку. Ровно десять утра. Капитан Ивлев ждал её у входа, высокий мужчина с неприятным острым подбородком. Он кивнул и сказал:

— Быстро вы. Пошли.

Они вошли в здание, и двери за ними закрылись с тяжёлым лязгом.

Глава 2. Предложение от полковника

Внутреннее убранство Главного следственного управления оказалось именно таким, каким Алина его и представляла: казённые коридоры, выкрашенные в бледно-зелёный цвет, скрипучий линолеум на полу. А также запах офисной бумаги и дешёвого кофе, разлитый в воздухе вместе с лёгкой ноткой машинного масла от вечно работающих принтеров. Здесь пахло работой, тяжёлой, монотонной, круглосуточной — той, где человеческие драмы превращаются в папки с номерами и протоколы осмотров.

Капитан Ивлев шёл впереди быстрым, пружинистым шагом, не оборачиваясь и не замедляясь, словно проверял, поспевает ли она за ним. Алина едва поспевала, цепляясь взглядом за номера кабинетов, таблички с фамилиями, плакаты "Осторожно, мошенники!" и портреты руководства на стенах. Её рука в кармане пальто сжимала злополучную записку из почтового ящика — ту самую, с угрозой. Она до сих пор не показала её Ивлеву, решив, что сначала разберётся сама. Может быть, это совпадение. Может, кто-то из соседей решил пошутить — но какой сосед знает про её работу, про её участие в деле, о котором она сама узнала только вчера? Ответ был очевиден: никто. Записка была прямым послани-

ем от убийцы, и это леденило кровь.

Ивлев остановился у массивной двери с табличкой "Полковник Рыбин П.В." и постучал. Изнутри раздался грубый, хрипловатый голос:

— Войдите.

Капитан открыл дверь и сделал приглашающий жест. Алина переступила порог, и первое, что она увидела, — это беспорядок. Кабинет представлял собой идеальную модель хаоса: столы, заваленные папками, стулья, на которых лежали куртки и коробки с документами, карта Москвы на стене, вся испещрённая красными и синими маркерами. На подоконнике дымилась пепельница, полная окурков, хотя на стене висела табличка "Не курить". И посередине этого бардака, за столом, сидел человек, которого Алина сразу определила как хозяина кабинета.

Полковник Павел Рыбин оказался мужчиной лет пятидесяти пяти, с густыми седыми волосами, зачёсанными назад, и лицом, изрезанным глубокими морщинами — такими, которые оставляют не возраст, а годы недосыпа и бесконечных стрессов. Его глаза, светлые, почти бесцветные, смотрели на Алину с откровенным скепсисом и даже какой-то брезгливостью, словно она была насекомым, случайно залетевшим в окно. На столе перед ним лежала папка с гербовой печатью, и он машинально водил по ней пальцем, выстукивая ритм, который слышал только он.

— Градова, — сказал он, не вставая, не здороваясь. — Та

самая, которая вчера выступала на конференции? Я слышан. Академик Серебряков уже позвонил мне, предупредил, что вы, мягко говоря, не специалист, а фантазёрка.

У Алины перехватило дыхание. Серебряков успел и сюда? Он что, обзванивает все инстанции, чтобы перекрыть ей кислород? Она сжала кулаки, но заставила себя улыбнуться — натянуто, через силу.

— Приятно знать, что моя скромная персона вызывает такой интерес у уважаемых людей, — сказала она с едва заметной иронией. — Но я здесь не по просьбе Серебрякова. Меня пригласил генерал Воронцов. Можете проверить.

Рыбин хмыкнул и откинулся на спинку кресла, которое жалобно скрипнуло под его весом.

— Воронцов — ваш крестный отец? Или просто старый друг семьи? Я знаю, что он был дружен с вашим покойным отцом. И мне совершенно не нравится, когда руководство пытается пристроить на мою шею протеже с сомнительной репутацией. Генерал может сколько угодно верить в графологию, но в моём отделе работают по фактам, по уликам, по отпечаткам и баллистике. А не по каракулям.

— Полковник, — вмешался Ивлев, стоящий у двери, — может, вы всё-таки дадите ей посмотреть материалы? Генерал настаивал.

Рыбин сверкнул глазами на капитана, но промолчал. Затем он медленно открыл папку, лежащую перед ним, и вытащил несколько листов, которые небрежно бросил на край

стола.

— Смотрите, Градова. Это подписи наших жертв. Если вы такой эксперт, скажите нам, что вы видите.

Алина подошла к столу, взяла листы. Внутри всё сжалось: она впервые видела материалы дела — те самые, о которых ей говорили по телефону. На трёх листах формата А4, взятых с мест преступлений, были подписи: Березина, Ковальчук, Якубовича. Она разложила их на свободном участке стола и склонилась над ними, доставая из сумки отцовскую лупу. Рыбин скептически хмыкнул, но не сказал ни слова.

Первые несколько секунд она просто смотрела, стараясь абстрагироваться от эмоций. Она знала этот почерк. Нет, она не была знакома с почерком убитых — она узнавала почерк убийцы. Тот самый, который она видела в деле своего отца, в старых дневниках, на подделанных завещаниях, которые двадцать пять лет назад отправили её отца в тюрьму, а затем в могилу. Тот самый разрыв в букве "p" — микроскопическая щель, которую заметит только обученный глаз. Здесь, на подписи Березина, он был чётко виден: нижняя петля буквы "p" не соединялась с основной линией, оставляя зазор в доли миллиметра.

Алина медленно перевела взгляд на подписи двух других жертв. Та же особенность. Тот же дефект. Идеальная, почти машинная точность во всём, но один крошечный "сбой" — как автограф, как насмешка. Кто-то хотел, чтобы его узнали. Или чтобы та, кто умеет читать этот знак, наконец, пришла.

Она подняла глаза на Рыбина, стараясь держать лицо бесстрастным.

— Что я вижу? — переспросила она. — Я вижу, что все три подписи выполнены не жертвами. Они сделаны одним человеком, который держал руку каждого из убитых и принуждал их к написанию, либо же сам воспроизвёл их подписи с высокой степенью точности. Но есть нюанс: в каждой из подписей присутствует графическая аномалия — разрыв в букве "р". Это не случайность, не дрожь руки и не огрех чернил. Это сознательное внедрённое клеймо. Убийца хочет оставить свой знак.

Рыбин посмотрел на неё с выражением, которое трудно было прочитать. Он явно не ожидал, что она так быстро выдаст что-то конкретное. Но, видимо, не поверил до конца.

— Откуда вы знаете, что это не жертвы? Может, у них у всех был один и тот же дефект в почерке? В конце концов, Березин, Ковальчук и Якубович могли иметь общего учителя или работать с одним нотариусом.

Алина покачала головой:

— Нет. Я вижу разницу в нажиме: подлинные подписи имеют вариативность — где-то сильнее, где-то слабее в зависимости от усталости, эмоций, положения руки. Здесь — абсолютный, стабильный нажим на всех участках. Это механическое воспроизведение, возможно, под диктовку или с принудительной фиксацией кисти. Но главное — разрыв в "р". Он одинаков на всех трёх образцах. Вероятность случайного

совпадения — одна миллионная. Это сознательная метка.

Она выпрямилась и посмотрела Рыбину прямо в глаза.

— И я знаю, кто оставляет такие метки. Это человек по фамилии Трофимов. Виктор Трофимов. Он был учеником моего отца, гениальный графолог, одержимый идеей идеальной линии. Он подставил моего отца двадцать пять лет назад. И теперь, похоже, он вернулся.

Рыбин откинулся на спинку кресла и долго смотрел на неё, переваривая информацию. Затем он коротко хохотнул — беззлобно, скорее удивлённо.

— Надо же. А Серебряков говорил, что вы будете толкать ерунду про "карму почерка" и "энергетику букв". А вы сразу с конкретным именем и историей. Это неожиданно.

— Я работаю с фактами, — холодно ответила Алина. — Факты: три убийства, один почерк, один метод, один подозреваемый. Кстати, где четвёртое тело, о котором говорил капитан Ивлев? И та записка, которая была адресована мне?

Рыбин и Ивлев переглянулись. Полковник кивнул капитану, и тот подошёл к сейфу в углу кабинета, набрал код, вытащил ещё одну папку — на этот раз с красной биркой "Срочно". Ивлев открыл её на столе, и Алина увидела фотографию: мужчина лет сорока, в дорогом костюме, лежит на полу собственной гостиной. Рядом с ним — опять лист бумаги с подписью. И отдельный файл, в котором лежал напечатанный на принтере листок с коротким текстом. Алина взяла его в руки, и внутри всё сжалось.

Текст был набран типографским шрифтом, без единой орфографической ошибки, без абзацев — просто пять строк, ровно по центру:

«Истина не в буквах, а в линии. Ты ищешь тень, но не видишь света. Я ждал тебя двадцать пять лет. Алина, ты не уйдёшь от этой линии. Ты — продолжение того, что не дописал твой отец. Приходи или уходи — я всё равно найду тебя.»

А ниже — одна-единственная фраза, написанная от руки чёрной шариковой ручкой: «Трофимов».

Алина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Двадцать пять лет. Он ждал её двадцать пять лет. Знал, что рано или поздно она возьмётся за дело отца, и подготовил это послание. Ей стало душно в кабинете, и она прислонилась рукой к столу, чтобы не упасть.

— Вы в порядке? — спросил Ивлев с беспокойством.

— Да, — выдавила она. — Просто... это слишком личное.

Рыбин поднялся из-за стола, подошёл к ней вплотную. Теперь он смотрел на неё иначе — без прежней надменности, с осторожным интересом, как на ценный, но ещё не изученный артефакт.

— Я не верю в совпадения, Градова. Три убийства с одинаковым почерком, записка на ваше имя, и вы называете фамилию, которую мы не нашли ни в одном из наших архивов. Я проверил: Трофимова нет в базах. Ни судимостей, ни паспортных данных, ничего. Как будто он призрак. Откуда вы о нём знаете?

— Из дневников отца, — сказала Алина. — И из дела, по которому отца осудили. Трофимов был его учеником, блестящим, но психически неуравновешенным. Он считал, что его методология превосходит отцовскую, что отец украл его идеи. Он подделал завещание, чтобы опозорить отца, и это сработало. После суда отец покончил с собой, а Трофимов исчез. Я думала, он давно мёртв. Но, видимо, нет.

Рыбин вернулся на своё место и открыл ноутбук, быстро застучал по клавишам, что-то выискивая в базах данных. Через минуту он разочарованно откинулся.

— Ничего. Никаких Трофимовых. Или он сменил имя, или его никогда не существовало в официальных записях. Но если он ваш "призрак", то нам нужна ваша помощь. Я не люблю привлекать гражданских, особенно с сомнительной репутацией, но у нас нет других экспертов, которые заметили бы этот чёртов разрыв в "р". Мои криминалисты посмотрели — не увидели. Только вы.

Алина выпрямилась, чувствуя, как к ней возвращается уверенность. Это был тот самый момент, которого она ждала годами. Её метод, её знания, наконец признаны — пусть не академиками, но хотя бы практиками.

— Я согласна, — сказала она твёрдо. — Но я ставлю условия: я работаю как консультант, не как штатный сотрудник. Я не ношу форму, не хожу на оперативки и не участвую в захватах. Я анализирую почерки и даю заключения. И ещё одно: я получаю доступ ко всем материалам дела моего отца.

Которые хранятся у вас в архивах. Если я найду связь между этими убийствами и старым делом, мы сможем пересмотреть его.

Рыбин скривился, словно проглотил лимон, но затем медленно кивнул.

— По рукам. Но учтите: я не собираюсь нянчиться с вами. Вы даёте заключения — я их проверяю. Если они окажутся бесполезными, вы уходите. Если же вы правы — мы продолжим работать вместе. Я — человек дела, а не слов. Докажите свою состоятельность.

— Докажу, — ответила Алина, и её голос прозвучал увереннее, чем она себя чувствовала. — Дайте мне копии всех материалов по этим убийствам: протоколы, фотографии, личные вещи жертв, любые записки, письма, черновики. Всё, что имеет отношение к их почерку. И я начну.

Рыбин открыл ящик стола, достал толстую папку и протянул ей.

— Здесь всё, что мы собрали. Включая предварительные экспертизы, которые не привели ни к чему. И, раз уж вы согласились, вот ваше удостоверение — временное, на три месяца. Если за это время не будет результата, я его аннулирую.

Алина взяла папку и удостоверение — пластиковую карточку с её фотографией, печатью МВД и надписью "Внештатный консультант-эксперт". Она смотрела на них, и внутри поднималась странная, почти забытая гордость. Она больше не изгой, не неудачница, засмеянная в конференц-за-

ле. Она — эксперт по расследованию серийных убийств. По крайней мере, пока.

Ивлев проводил её до дверей кабинета, но на пороге она обернулась к Рыбину:

— Полковник, ещё один вопрос. Записка с угрозой, которую я нашла в почтовом ящике этим утром... вы знаете о ней? Я не сказала Ивлеву сразу, но вот она.

Она достала из кармана мятую бумагу, развернула её и положила на стол перед Рыбиным. Тот прочитал, нахмурился.

— «Ты уже на линии. Не переходи её». И где вы её нашли?

— В своём доме, в ящике. Просунули ночью, я думаю.

Рыбин резко поднялся, его лицо побледнело.

— Это значит, что убийца знает ваш адрес. Он следит за вами, Градова. Мы должны обеспечить вам охрану.

— Нет, — отрезала Алина. — Если меня будут охранять, он не выйдет на контакт. А мне нужен контакт. Я хочу, чтобы он сам вышел на меня. Это единственный способ его поймать.

Рыбин смотрел на неё так, как смотрят на безумцев, готовых прыгнуть с моста.

— Вы понимаете, что это смертельно опасно? Он убил четырех человек. Он оставляет вам личные послания. Он играет с вами, как кошка с мышью.

— Я знаю, — тихо сказала Алина. — Но я играю в ту же игру. И я выиграю.

Она развернулась и вышла из кабинета, оставив Рыбина в

недоумении. Ивлев догнал её в коридоре.

— Алина Андреевна, позвольте, я провожу вас до выхода. И хочу предупредить: Рыбин — человек суровый, но справедливый. Если вы действительно сможете помочь, он будет вашим самым верным союзником. А если нет — он вас уничтожит. Будьте осторожны.

— Спасибо, капитан, — кивнула она. — Я буду осторожна.

Они вышли на улицу, и июльское солнце ударило в глаза, яркое, слепящее, контрастирующее с мраком казённых коридоров. Алина стояла на ступенях, вдыхая воздух, насыщенный выхлопными газами и летней пылью, и чувствовала, как внутри начинает разворачиваться страшная, но восхитительная пружина. Она была в игре. Трофимов ждал её, но теперь и она ждала его.

Она села в автобус, который довёз бы её до дома, но по пути она вышла на две остановки раньше и зашла в небольшое кафе, чтобы привести мысли в порядок. За столиком у окна она раскрыла папку с материалами и начала изучать первые страницы.

Первое убийство, Березин Игорь Анатольевич, 52 года. Найдено 14 марта в собственной квартире, застрелен в голову из пистолета калибра 9 мм без глушителя. На месте преступления обнаружена подпись. Свидетелей нет, камеры наблюдения в доме не работали, консьерж ничего не видел. Убийца вошёл и вышел, словно призрак.

Алина отметила: метод убийства — один и тот же: выстрел в правый висок, без следов борьбы. Жертва не сопротивлялась. Может быть, её застали врасплох? Или она знала убийцу? Или её принудили к чему-то ещё до выстрела? Она перечитала показания соседей: Березин вёл уединённый образ жизни, но постоянно общался с каким-то нотариусом по фамилии Сафронов. Алина зафиксировала это имя в памяти.

Второе убийство, Ковальчук Светлана Ивановна, 45 лет. Найдена 20 мая в своём загородном доме. Те же обстоятельства: выстрел в голову, подпись рядом. Но здесь был свидетель — дочь погибшей, которая вернулась домой через час после убийства и увидела на полу лист с подписью. Девочка была в шоке и не могла внятно описать происходящее. Но главное — Алина заметила в протоколе пометку: на подписи Ковальчук, помимо стандартного разрыва в "р", была ещё одна аномалия: наклон букв чуть больше, чем у остальных. Может быть, это случайность? Или Трофимов экспериментировал с разными техниками?

Третье убийство, Якубович Фёдор Ильич, 49 лет. Найден 25 июня в своём офисе, застрелен за рабочим столом. Подпись оставлена на клочке бумаги, лежащем прямо на клавиатуре. Примечательно: рядом с телом обнаружили дорогую шариковую ручку, которой, по всей видимости, была выполнена подпись. Экспертиза установила, что ручка принадлежала самому Якубовичу, но на ней не было отпечатков убийцы. Тот работал в перчатках или протирал всё после себя.

Алина закрыла папку и задумалась. Четыре убийства — все риелторы, все успешные, все работали с недвижимостью. Эту связь она тоже заметила. Значит, Трофимов имел к ним финансовый интерес. Может быть, они были замешаны в тех же сомнительных сделках, что и в деле её отца? Она вспомнила старые документы, которые читала в дневниках отца: завещание, подделанное Трофимовым, касалось передачи крупного земельного участка в центре Москвы. Этот участок несколько раз перепродавался через риелторов. Может быть, Трофимов мстит тем, кто замешан в той давней афере?

В кафе зашёл официант, принёс чашку эспresso, которую она не заказывала, но которая, видимо, была ошибкой другого посетителя. Она махнула рукой и оставила чашку на столе, не притрагиваясь. Мысли текли лихорадочно, как вода в бурной реке.

Она достала телефон, открыла заметки и начала набрасывать цепочку событий.

Дело отца (1998-2001): подделка завещания с разрывом в "р" — обвинение против Градова.

Исчезновение Трофимова — вероятно, он ушёл в подполье.

Убийства риелторов с теми же графическими метками — месть? Или он решает старые финансовые счёты?

Записка с её именем — вызов, провокация, попытка вовлечь её в игру.

Она записала внизу важный вопрос: «Почему сейчас? Почему именно через 25 лет? Что изменилось?»

Ответ пришёл сразу: возможно, Трофимов узнал, что Алина начала работать над делом отца, что она подготовила доклад на конференции, что она приближается к истине. И он решил опередить её, показать, что он всё ещё здесь, всё ещё контролирует ситуацию. Он хотел заставить её бояться. Или — что более вероятно — хотел, чтобы она вступила в игру.

Алина допила остывший кофе, расплатилась и вышла из кафе. Сейчас ей нужно было вернуться домой, систематизировать все материалы, составить графический профиль Трофимова на основе его автографов из старых дел. Она знала, что это будет сложно: у неё было мало образцов его почерка — только те, что сохранились в дневниках отца и в судебных документах. Но этого могло быть достаточно, чтобы выявить его характер: уровень агрессии, тревожности, самоконтроля. Она уже знала, что он педантичный, одержимый порядком, возможно, страдающий обсессивно-компульсивным расстройством. Идеальная линия для него — не просто метод, а навязчивая идея. Такие люди не остановятся, пока не достигнут цели.

Она шла по улице, и вдруг ей показалось, что кто-то идёт следом. Она остановилась у витрины магазина, взглянула на отражение — в стекле она увидела мужчину в тёмном плаще, стоящего в двадцати метрах позади, который тоже

остановился и рассматривал что-то в телефоне. Она прошла дальше, свернула за угол и спряталась за колонной подъезда. Мужчина прошёл мимо, не обернувшись, и исчез в толпе. Возможно, это было просто совпадение. Возможно, нет. Алина выдохнула, чувствуя, как дрожат руки.

Она решила не идти сразу домой, а сделать крюк — зайти в книжный магазин, потом в парк, потом ещё раз пересечь улицу и только после этого зайти в свой подъезд. Всё это время она была начеку, но никто не следовал за ней. Возможно, она просто перепугалась после утренней записки. Или это паранойя начала прорастать в душе так же быстро, как правда прорастала в расследовании.

Она поднялась в квартиру, заперла дверь на все замки и прислонилась спиной к стене. Внутри пульсировал страх по полам с азартом. Папка с материалами лежала на столе, и она смотрела на неё, как на бомбу замедленного действия.

В этот момент раздался звонок телефона. Алина вздрогнула, взяла трубку — это был Рыбин.

— Градова, я изучил ваш файл, — сказал он без приветствия. — И нашёл кое-что, что вас заинтересует. В деле Березина есть показания его помощницы. Она говорит, что Березин собирался продать особняк на Рублёвке, но перед смертью получил странное письмо. Почерк неизвестный, но она запомнила, что в письме была фраза: «Следующий шаг — твоя подпись». Я переслал вам фото письма на почту. Посмотрите.

Алина открыла ноутбук, зашла в почту и увидела вложение. Письмо было написано на простом листе, аккуратным, почти печатным почерком. И в самом конце — тот самый разрыв в «р». Она увеличила изображение, вгляделась до рези в глазах. Да, это был его почерк. Трофимов предупреждал жертву. Зачем? Чтобы заставить их бояться? Или чтобы проверить, как ониотреагируют?

— Полковник, это он, — сказала она. — Сто процентов.

— Тогда мы на верном пути. Но есть ещё одно. Письмо было отправлено из почтового отделения в центре, с камеры мы получили записи. На них — человек в кепке, лица не видно. Но мы установили, что он приходил туда дважды: перед убийством Березина и перед убийством Якубовича. Завтра я пришлю вам скриншоты. Может быть, вы увидите что-то в походке, в жестах. Вдруг ваш метод работает не только на бумаге?

Алина улыбнулась, хотя в трубке её не видели.

— Посмотрю. А вы тем временем проверьте нотариуса Сафронова. Он упоминается во всех делах, и я думаю, что он может быть связующим звеном.

— Уже начали, — ответил Рыбин и отключился.

Алина осталась одна в наступающих сумерках, сидя за столом, уставленным папками и распечатками. В окно заглядывал вечерний город, зажигались огни в домах напротив, и она чувствовала, как внутри нарастает странное, почти первобытное чувство: она, наконец, на своём месте. Двадцать

пять лет она шла к этому — через насмешки, отказы, финансовую нищету и одиночество. Она была готова.

Но в глубине души зрела тень сомнения: а что, если Трофимов действительно гений, который на двадцать шагов впереди? Что, если всё, что она делает, — часть его плана? Он ждал её, он готовил эту игру, и она в неё вступила, даже не до конца понимая правила.

Она взяла лист бумаги и ручку, начала набрасывать графический портрет убийцы. Наклон букв — под 70 градусов, сильный, но стабильный, что говорит о высоком интеллекте и самоконтроле. Давление — среднее, ровное, без перепадов, что указывает на скрытую агрессию, которую он научился купировать. Связки между буквами — разорванные, что говорит о недоверии к миру, о желании держать дистанцию. Разрыв в «р» — намеренный дефект, который он вставил как ключ, как пароль для тех, кто умеет читать.

Она записала вывод: «Целеустремлённый, параноидальный, интеллектуал с признаками ОКР. Скорее всего, страдает от чувства несправедливости, считает себя жертвой. Мотив — не деньги, а самоутверждение и месть системе, которая его отвергла. Ведёт двойную жизнь: внешне респектабельный, возможно, даже успешный бизнесмен, внутри — одержимый идеей восстановить истину в своей картине мира».

Эти выводы она отправила Рыбину в виде краткого отчёта, а затем легла на диван, глядя в потолок. Ей нужно бы-

ло поспать, но сон не шёл. Мысли перебивали одна другую, и она снова и снова прокручивала в голове фразы из записки: «Не переходи её», «Ты уже на линии». Что он имел в виду? Граница между жизнью и смертью? Между правдой и ложью? Или между его миром и её миром? Она не знала, но чувствовала: завтра ей предстоит сделать ещё один шаг, и этот шаг может быть последним.

За окном прозвучал сигнал машины, и Алина подскочила, услышав странный звук у входной двери. Кто-то возился с замком. Она затаила дыхание, схватила телефон, готовая набрать 112. Но звук прекратился — это, видимо, соседи сверху возились с ключами. Она выдохнула, но в груди остался холодный комок.

Она решила, что завтра же попросит Ивлева проверить все связи Трофимова с риелторскими конторами, а заодно запросит архивное дело отца из хранилища. Но не через Рыбина — он может затянуть. Через генерала Воронцова, который имеет доступ к старым бумагам. И возможно, старые протоколы прольют свет на связи убийцы с жертвами.

В час ночи, когда город за окном затих, Алина, наконец, закрыла глаза. И в полусне ей почудилось, что она видит его — человека в кепке, стоящего на улице под фонарём, смотрящего вверх, прямо на её окно. Она моргнула — и видение исчезло. Но в душе засело смутное чувство, что за ней следят.

Она включила свет в комнате, на всякий случай задерну-

ла шторы и проверила замки. Дверь была заперта. Окна заперты. Вроде бы безопасно. Но где-то в глубине сознания шевельнулась мысль: если Трофимов смог сунуть записку в почтовый ящик, что ему стоит проникнуть и в квартиру? Она на всякий случай положила рядом с диваном тяжёлый подсвечник — древний, бронзовый, отцовский, который всегда стоял на полке. Если что — будет оружие.

Сон пришёл только под утро, тревожный, с обрывками кошмаров, где она бежала по бесконечному коридору с расплывающимися буквами на стенах, а сзади кто-то нагонял её, шепча: «Не переходи линию». Она проснулась в поту, когда за окном уже было светло, а часы показывали восемь утра.

На столе всё так же лежала папка с материалами. На кухне — стылый чайник. А у двери — новый лист бумаги, просунутый снизу в щель.

Алина подошла, не веря своим глазам. Кто-то снова был здесь, пока она спала. Она подняла лист, развернула, прочитала.

Одной строчкой, написанной тем же каллиграфическим почерком:

«Ты перешла линию, Алина. Добро пожаловать в мою игру. Первый ход за тобой».

Она медленно опустила бумагу, чувствуя, как сердце колотится где-то у горла. Он был здесь, пока она спала. Прошёл мимо неё. И оставил послание. И это значило, что она

вовсе не в безопасности.

Она схватила телефон и набрала Рыбина. В трубке раздался сонный голос полковника.

— Что случилось?

— У меня дома был убийца, — выдохнула Алина. — Пока я спала. Он оставил записку. Присылайте охрану, но не убежите с места. Я хочу, чтобы вы всё сняли на видео. И скажите Ивлеву, пусть проверит мою дверь на предмет отпечатков.

Рыбин, кажется, мгновенно проснулся:

— Оставайтесь на месте, не трогайте ничего. Я через двадцать минут.

Алина бросила телефон на диван и села на пол, прижав лист к груди. Она не знала, плакать ей или смеяться. Трофимов переиграл её ещё до того, как она начала. Но она была жива. Он не тронул её, пока она спала. Зачем? Потому что она была ему нужна живой? Для финала его игры?

«Первый ход за тобой», — написано в записке. Она встала, подошла к столу, взяла ручку и решила, что даст ответ. Но какой? Как заставить его выйти из тени, не дать ему загнать себя в угол?

Она набросала на чистом листе короткую фразу, твёрдым, уверенным почерком, без признаков страха: «Я принимаю игру. Покажи себя».

Она положила этот лист на стул у двери — так, чтобы тот, кто придёт в следующий раз, его увидел. Или чтобы она могла отдать его Рыбину — как приманку, как ключ к следую-

щему шагу. Когда в дверь позвонили, она знала, что это Рыбин с группой. И она была готова к тому, что теперь её жизнь никогда не станет прежней.

Она открыла дверь, увидела полковника с двумя оперативниками и коротко сказала:

— Только не трогайте лист, который я положила на стул. Это мой ответ ему. Если он вернётся, он его заберёт.

Рыбин посмотрел на неё с уважением и лёгкой тревогой.

— Вы играете с огнём.

— Я знаю, — ответила Алина. — Но я умею держать линию. И я не отступлю.

— Тогда поехали, — сказал он. — У нас есть адрес, где мог бы прятаться Трофимов. Старая типография в промзоне. Мы едем туда сейчас.

Глава 3. Типография

Машина Рыбина — старенький, но ухоженный серый «Форд» без опознавательных знаков — неслась по утренней Москве, лавируя между рядами и игнорируя пробки. Алина сидела на заднем сиденье, сжимая в руках папку с материалами и то и дело, поглядывая в зеркало заднего вида — ей всё казалось, что за ними хвост. Но сзади были только обычные машины: жёлтое такси, белая «Лада», грузовик с надписью «Молоко». Ничего подозрительного.

Рыбин молчал всю дорогу, только изредка бросал взгляд на Алину через зеркало. Его лицо было напряжённым, как струна, и она понимала, что он обдумывает ситуацию: как эта гражданская, вчера ещё незнакомая женщина, вдруг стала центром его расследования, как её личная драма переплелась с четырьмя трупами, и как теперь они вместе едут в промзону, где, возможно, их ждёт серийный убийца.

— Полковник, — нарушила молчание Алина, — вы уверены, что адрес точный? Откуда он у вас?

— Камеры наружного наблюдения, — ответил Рыбин, не оборачиваясь. — Мы прогнали запись с почтового отделения через базу распознавания лиц. Тот тип в кепке, который отправил письмо Березину, засветился ещё на нескольких камерах в районе трёх промзон. В одной из них, на улице Промышленной, сигнал его телефона зафиксировался в те-

чение нескольких часов. Там находится старая типография «Прогресс», закрытая с 1998 года. По документам принадлежит некоему ООО «Фаворит», которое, по иронии судьбы, связано с риэлтерской конторой, где работали двое из наших жертв.

Алина присвистнула.

— Значит, Трофимов действительно связан с ними. Но зачем ему типография?

— Не знаю. Может, он там живёт. Или у него там лаборатория. Или склад с компроматом. Мы проверяли арендаторов — никого. Но наши ребята сегодня утром зафиксировали движение внутри, хотя по документам здание законсервировано. Мы едем на разведку. Если он там, мы его возьмём. Если нет — поищем следы.

— А если он ждёт нас? — спросила Алина, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Он ведь знает, что мы на него вышли. Он оставил записку у меня в квартире, пока я спала. Он наблюдает за нами. Может быть, это ловушка.

Рыбин усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Ловушка? Я двадцать лет в оперативной работе, Градова. Меня не так легко поймать в ловушку. У нас есть группа захвата: четверо человек, все в бронежилетах, с оружием. Плюс я и Ивлев. Если он там — он не уйдёт.

— А если он оставил нам сюрприз? Бомбу, например?

Рыбин на секунду замолчал, затем ответил:

— Поэтому мы и едем без сирен и мигалок. Тихо, как мы-

ши. Сначала осмотрим периметр, потом зайдём. Если что-то не так — отступим и вызовем сапёров. Но я не думаю, что он станет взрывать свой тайник. Такие, как он, — они гордятся своей работой. Они хотят, чтобы её видели. Чтобы ею восхищались. Поэтому он не станет уничтожать свою коллекцию.

— Коллекцию?

— Ну, подписи, документы, письма. Наверняка у него там целый архив. Ведь такие маньяки всегда оставляют себе сувениры. Судя по тому, что вы рассказали о нём, он перфекционист и одержим своей «идеальной линией». Он сохранит всё до последнего клочка.

Алина задумалась. Рыбин, несмотря на свою внешнюю суровость, оказался проникательным и даже в какой-то мере психологом. Он понимал природу преступника не хуже неё. Может быть, поэтому они и сработаются.

Машина свернула с шоссе на разбитую дорогу, ведущую в индустриальную зону. С обеих сторон потянулись заброшенные заводские корпуса с выбитыми окнами, ржавые ворота, заросли бурьяна. Воздух стал тяжелее, с примесью машинного масла и горелого пластика. Здесь, казалось, время остановилось в девяностых, когда промышленность рухнула, а вместе с ней и тысячи рабочих жизней.

— Останавливаемся здесь, — сказал Рыбин, притормаживая у покосившегося забора. — Дальше пешком.

Они вышли из машины. Кроме них, на место уже прибыли две чёрных «Нивы» с затемнёнными стёклами, из которых

вышли четверо оперативников в гражданской одежде, но с характерной выправкой. Ивлев был среди них, и он махнул Алине рукой, приветствуя.

Рыбин собрал группу вокруг себя и заговорил тихо, почти шёпотом:

— Здание бывшей типографии «Прогресс» — трёхэтажное, кирпичное, с подвалом. По плану, входов два: главный, с улицы, и чёрный, со двора. Окна на первом этаже заколочены досками, на втором — частично выбиты. Мы разделимся: я и Градова заходим через главный вход. Ивлев с двумя бойцами — через чёрный. Остальные держат периметр снаружи. Если увидите кого-то — не стреляйте сразу, только если будет угроза жизни. Нам нужен живой.

Оперативники молча кивнули и начали бесшумно рассредоточиваться. Алина почувствовала, как сердце забилось быстрее. Она никогда не участвовала в таких операциях, и хотя она не была вооружена, кроме своей лупы и папки с документами, ей казалось, что каждый шаг может стать последним.

— Градова, вы идёте за мной, — сказал Рыбин. — Держитесь на расстоянии двух метров, ничего не трогайте, не говорите громко. Если что — падаете на пол и не двигаетесь. Поняли?

— Поняла, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Они подошли к главному входу — массивным железным

воротам, покрытым слоями краски, которая облупилась и висела лохмотьями. Замок был старым, навесным, но кто-то уже взламывал его: он висел, сломанный, и дверь была приоткрыта на несколько сантиметров.

Рыбин толкнул её, и она с противным скрипом отворилась, открывая тёмный проём. Изнутри пахнуло сыростью, пылью и ещё чем-то сладковатым, неуловимым — Алина не могла понять, что это, но запах показался ей тревожным. Рыбин достал фонарик, включил его, и луч света вырвал из тьмы части огромного помещения: высокие потолки, ряды старых печатных машин, покрытых паутиной, груды бумаги, стеллажи с типографскими формами.

Они шагнули внутрь, и пол под ногами захрустел от битого стекла и мусора. Свет фонарика танцевал на стенах, высвечивая пятна плесени и грязные граффити. Было тихо, только изредка где-то сверху слышался звук — то ли ветер гулял в разбитых окнах, то ли шаги.

Алина шла за Рыбиным, стараясь ступать бесшумно, но каждый шорох её собственных подошв казался оглушительным. Вдруг она остановилась, заметив на полу следы — свежие, отпечатки мужской обуви сорок третьего размера, с характерным протектором. Она наклонилась, но не стала трогать, а только указала на них Рыбину. Тот кивнул — он тоже их заметил.

Они прошли через главный цех и оказались в коридоре, ведущем в административную часть. Здесь было больше

офисных помещений, часть дверей была открыта, часть — заперта. Рыбин заглянул в первую комнату — там стоял старый письменный стол, на нём — пожелтевшие бумаги и пепельница, полная окурков, но не старых, а относительно свежих: табак ещё не выцвел.

— Он здесь был, — прошептал Рыбин. — И совсем недавно.

Алина подошла к столу и взяла в руки один из листов — это была типографская карточка с каким-то текстом, но её внимание привлёк не текст, а чернильные пометки на полях. Они были сделаны той же рукой, что и подписи на местах убийств — чёткие, ровные, с идеальным наклоном. И с разрывом в букве «р».

— Полковник, это его рабочий стол, — сказала она. — Эти пометки — калибровка. Он проверял здесь свои чернила, ручки, бумагу. Он готовил свои «подписи» заранее.

Рыбин подошёл ближе, внимательно осмотрел стол.

— Значит, он использовал эту типографию как лабораторию. Но где он сейчас? И что он здесь делает?

Они вышли в коридор и направились к лестнице на второй этаж. Там было ещё темнее, но в конце коридора пробивался слабый свет из открытой двери. Рыбин выключил фонарик, чтобы не выдать себя, и прижался к стене. Алина сделала то же самое, чувствуя, как учащается дыхание.

Из открытой двери доносился звук — ритмичный, почти монотонный. Похоже на тиканье часов, но с другим ритмом.

Это мог быть метроном. Или... печатная машинка.

— Он там, — прошептал Рыбин почти беззвучно. — Ждите здесь.

Он двинулся к двери, вытаскивая из кобуры пистолет. Алина осталась стоять, вцепившись в папку, не в силах пошевелиться. Она слышала, как где-то внизу, со стороны чёрного входа, раздались шаги — это Ивлев и его группа входили в здание. Но здесь, на втором этаже, тишина была абсолютной, если не считать того странного тиканья.

Рыбин достиг двери, осторожно заглянул внутрь и замер. На его лице отразилось удивление, смешанное с разочарованием. Он убрал пистолет в кобуру и обернулся к Алине.

— Идите сюда. Здесь никого нет.

Она подошла, заглянула в комнату. Это была небольшая, но хорошо оборудованная мастерская: вдоль стен стояли стеллажи с папками, на столе — компьютер, принтер, несколько дорогих ручек в подставке, лупы, увеличительные стёкла. На стене висели распечатки подписей — тех самых, что были на местах убийств, и множество других, незнакомых. В центре комнаты стоял старый печатный станок, на котором лежала недопечатанная открытка. Но самое главное — на стуле у стола сидел... манекен. Обычный манекен, одетый в чёрную куртку и кепку. На его коленях лежала бумага с надписью, сделанной всё той же рукой: «Вы опоздали. Следующий ход — за мной. Ждите вестей».

— Он знал, что мы придём, — выдохнула Алина. — Он

ушёл. И оставил это как насмешку.

Рыбин выругался сквозь зубы, сжал кулаки.

— Чёрт! Он просто играет с нами! Но тогда где он? Мы проверили все камеры по пути, он не мог уйти незамеченным.

— Мог, — возразила Алина. — У него есть выход, который мы не знаем. Подвал, например, или подземный ход. Старые фабрики часто имели такие коммуникации.

Она подошла к столу, открыла один из ящиков. Внутри лежали аккуратно разложенные по папкам документы. Она вытащила верхнюю папку и раскрыла. Внутри были копии доверенностей, купчих, договоров аренды — все с разными подписями, но везде был тот самый разрыв в «р». Это была его коллекция. Он хранил здесь образцы подписей десятков, а может, сотен людей.

— О Господи, — прошептала Алина. — У него целый архив. Он собирал подписи годами. Все эти люди, возможно, даже не подозревают, что их почерк у него.

Рыбин подошёл и взглянул на папки.

— Это может быть компромат. Если он имел доступ к их подписям, он мог подделывать документы, оформлять сделки, продавать квартиры, переводить деньги. Это же идеальное преступление: никто не узнает, что подпись подделана, потому что она выглядит как настоящая.

— Но она не идеальна, — сказала Алина. — В ней есть эта аномалия. Его знак. Он не может не оставить его, потому что

это его гордость, его клеймо. Он оставляет его даже тогда, когда это может выдать его.

Они стали листать папки. В одной из них Алина нашла то, что искала — старое дело, с жёлтыми, пожелтевшими от времени страницами. Это была копия дела о подделке завещания, по которому был осуждён её отец. Здесь были те же подписи, та же экспертиза, те же документы. И, конечно, тот же разрыв в «р».

— Полковник, — сказала она дрогнувшим голосом. — Вот доказательство. Он хранил это всё время. Он виновен в подделке, а не мой отец.

Рыбин подошёл, посмотрел на документы. Его лицо окаменело.

— Если это действительно так, то дело вашего отца должно быть пересмотрено. Но сначала нам нужно поймать Трофимова. Пока он на свободе, он продолжит убивать.

— Он может убить меня, — сказала Алина. — Он сказал, что я на линии. Что я перешла её. Он предупредил меня. Зачем ему предупреждать?

— Он хочет запугать вас. Вывести из себя, заставить ошибиться. Он считает, что вы — главное препятствие к его идеалу. Он не может просто убить вас, потому что тогда он лишится зрителя. Ему нужно, чтобы вы видели его работу, чтобы вы восхищались его мастерством, пусть даже через страх. Именно поэтому он оставил вас в живых, когда был у вас в квартире.

Алина содрогнулась при этой мысли. Она представила, как он стоял над её спящим телом, мог бы легко нажать на спусковой крючок или перерезать горло, но вместо этого положил записку и ушёл. Это было хуже, чем угроза, — это было признание того, что он полностью контролирует ситуацию.

В этот момент снизу раздался крик Ивлева:

— Полковник! Сюда! Мы нашли подвал!

Они поспешно вышли из мастерской и спустились на первый этаж, где в углу за старыми шкафами обнаружился люк, ведущий в подвал. Ивлев стоял у люка, освещая его фонариком.

— Дверь не заперта, — сказал он. — Но внизу темно, и оттуда тянет химией. Как будто типографская краска, но сильнее.

Рыбин подошёл, принялся.

— Это ацетон. Или растворитель. Он что-то делал там.

Они спустились вниз по шаткой лестнице. Подвал оказался просторным, почти таким же большим, как главный цех. Здесь были установлены дополнительные стеллажи, но не с документами, а с банками и бутылками — чернила, растворители, красители. В углу стоял верстак, на котором лежали заготовки для поддельных документов: бланки паспортов, свидетельств о рождении, нотариальных заверений.

Алина оглянулась и застыла. На одной из стен, во весь рост, висел плакат с напечатанным крупным шрифтом тек-

стом: «Линия — это судьба. Ты не можешь её избежать». Ниже — подпись, выполненная той же рукой.

— У него здесь целая фабрика, — произнёс Рыбин. — Он подделывает документы на продажу? Или для своих целей?

— Для своих, — ответила Алина. — Но возможно, он и другие заказы выполняет. Он мог зарабатывать этим. Но главное — он живёт здесь, по крайней мере, ночует. Вот, смотрите.

Она указала на угол, где стоял раскладной диван, покрытый пледом, рядом — тумбочка с книгами по графологии, истории каллиграфии, криминалистике. На столе — грязная кружка и тарелка с остатками еды.

— Он здесь был совсем недавно. Может, час назад.

Ивлев уже осматривал верстак и вдруг резко обернулся.

— Полковник, у меня здесь странная находка.

Он поднял небольшую коробку, внутри которой лежали несколько конвертов. Алина подошла и взяла один из них. На конверте было написано её имя — Алина Градова — и адрес её квартиры. Конверт был заклеен, но не отправлен.

— Он приготовил их заранее, — сказала она, чувствуя, как холодеют руки. — Каждый конверт — это, наверное, его следующие шаги. Он планирует убить меня, но не сейчас. Он будет присылать мне письма.

— Мы вскроем их, — сказал Рыбин. — Это улики.

— Нет! — воскликнула Алина. — Они написаны его рукой. Если мы их вскроем, его почерк сохранится, но мы мо-

жем потерять информацию о том, где он собирается их отправить. На конвертах могут быть почтовые штемпели, которые он планировал. Лучше отдать их на экспертизу, не вскрывая. Возможно, он оставил там свои отпечатки.

Рыбин с уважением посмотрел на неё.

— Хорошо, вы правы. Ивлев, упакуй всё, что здесь есть, в уликовые пакеты. Особенно те конверты. Мы отвезём их в лабораторию. Градова, а вы как думаете, зачем он оставил их здесь? Он знал, что мы найдём подвал?

Алина задумалась.

— Он хотел, чтобы мы их нашли. Он оставил это как часть своей игры. Он знает, что я эксперт, и что я пойму, что он хочет, чтобы я видела его план. Может быть, он даже специально ждёт, чтобы я каким-то образом использовала эти конверты.

— Использовала?

— Да. Он, возможно, рассчитывает, что я прочитаю их содержимое и попаду в его ловушку. Или что я попытаюсь перехватить его следующий ход и тем самым сама выдам себя.

Она опустила на корточки и осмотрела пол вокруг верстака. На полу были видны свежие следы, ведущие к дальней стене. Она подошла туда и увидела почти незаметную дверь, замаскированную под стену. Небольшой металлический люк, открывающийся в узкий туннель.

— Вот его путь, — сказала она. — Он ушёл через этот туннель, пока мы были наверху. Он знал, что мы в здании,

и просто ждал, пока мы поднимемся на второй этаж, чтобы уйти.

Рыбин подошёл, осветил фонариком в туннель. Тот уходил в темноту, и конца видно не было.

— Он мог уйти далеко. Надо проверить, куда ведёт этот туннель.

— Только не сейчас, — сказал Ивлев. — Мы не знаем, что там, а у нас нет карты. Может быть, он заминирован. Лучше вызвать сапёров и группу с тепловизорами.

Рыбин кивнул, хотя было видно, как он раздосадован тем, что убийца снова ускользнул.

— Всё, сворачиваемся. Охраняем здание до приезда криминалистов. Градова, едем в участок. У нас есть много нового материала для анализа.

Они выбрались из подвала, оставив оперативников на месте. Алина шла, чувствуя, как в душе борются страх и азарт. Она была в логове зверя, он ускользнул, но оставил столько улик, что она могла бы месяц разбирать их. И главное — конверты с её именем. Что он в них написал? Угрозы? Объяснения? Признания?

В машине Рыбин завёл двигатель и тронулся с места. Алина смотрела в окно на проплывающие серые здания промзоны. Каждое из них казалось ей потенциальным убежищем Трофимова. Везде он мог спрятаться, везде мог оставить свою метку.

— Я хочу увидеть эти конверты завтра, — сказала она.

— Я хочу проанализировать их в лаборатории. Мне нужно понять его эмоциональное состояние, когда он их писал. Это даст нам ключ к его следующему шагу.

— Завтра так завтра, — ответил Рыбин. — Но сегодня вы едете ко мне. Нет, не возражайте. Я не могу рисковать, чтобы он снова пробрался в вашу квартиру. У меня есть гостевая комната. Жена уехала к дочери, так что не стесняйтесь. Соберёте вещи завтра, под охраной.

Алина хотела возразить, но внутри неё сама собой вспыхнула благодарность. Она чувствовала себя такой уязвимой после утренней записки, что мысль о безопасном ночлеге казалась почти спасительной.

— Спасибо, полковник.

— Не за что. Мы в одной команде. И если он хочет вас, он имеет дело со мной.

Они ехали в тишине, каждый думал о своём. Алина смотрела на дорогу, и перед её глазами всё ещё стоял тот плакат в подвале: «Линия — это судьба». Он был прав в каком-то смысле. Она действительно была связана с этой линией, с этим делом, с этим убийцей. И теперь она должна была дописать свою линию до конца — или умереть, пытаясь.

Когда они въехали в город, уже начало смеркаться. Рыбин остановился у её дома, чтобы она взяла самое необходимое. Она вошла в квартиру, быстро сложила ноутбук, зарядку, сменное бельё, взяла дневники отца и фото, чтобы продолжать работать. У двери она задержалась, посмотрела на

стул, где лежал её ответ на записку — «Я принимаю игру. Покажи себя». — но тот, кто сунул записку, не взял ответ. Значит, он прочитал его? Или он уже не вернётся за ним?

Она вышла, заперла дверь, и Рыбин проводил её к машине. Всю дорогу до его дома они молчали, но это было молчание понимания, а не вражды.

Дом Рыбина оказался типовой «хрущёвкой» на окраине, чистой, но скромной обстановкой. Гостиная комната была маленькой, с раскладным диваном, на котором лежало свежее постельное бельё. Он оставил ей ключ и сказал:

— Спите спокойно. Я рядом. Если что — кричите.

Алина кивнула, закрыла дверь и села на диван, обхватив колени руками. Ночь обещала быть долгой и тревожной. Но она знала, что завтра начнётся новый этап их расследования — когда они вскроют конверты и прочитают, что он написал. И возможно, тогда она поймёт, куда ведёт её эта линия.

Она выключила свет и лежала в темноте, вслушиваясь в звуки за окном. Где-то далеко лаяла собака, шумел ветер, шелестели листья. Всё было мирно. Но внутри неё бурлила тревога.

Она закрыла глаза, и ей показалось, что она слышит его голос, тихий, насмешливый: «Ты уже на линии. Не переходи её». И в этот момент она поняла, что уже перешла. И назад дороги нет.

Глава 4. Конверты

Алина проснулась оттого, что кто-то осторожно тронул её за плечо. Она резко открыла глаза, вскочила, готовая защищаться, но перед ней стоял Рыбин — в домашней футболке, с чашкой кофе в руке и с лёгкой усмешкой на лице.

— Спокойно, Градова. Это не убийца, это я. Уже восемь утра, я подумал, что вы не откажетесь от кофе и завтрака. И, если честно, я уже два часа не могу уснуть, прокручивая в голове вчерашнее.

Алина выдохнула, расслабилась и приняла чашку. Кофе был крепким, почти чёрным, с горчинкой — как она любила. Она сделала глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу, возвращая способность мыслить.

— Спасибо, полковник. Я действительно не отказалась бы. А что с конвертами? Их уже привезли в лабораторию?

— Да, Ивлев с утра на месте. Он ждёт нас в отделе. Я планирую выезжать через полчаса. Вы как? Готовы?

Алина кивнула. Она была готова, хотя внутри всё сжималось от предвкушения. Конверты, адресованные лично ей, написанные рукой убийцы, лежали теперь в криминалистической лаборатории, и она должна была их вскрыть — или хотя бы присутствовать при их вскрытии. Это был её шанс заглянуть в голову Трофимова, понять, что он задумал.

Она быстро привела себя в порядок — умылась, оделась в

ту же одежду, что была вчера, но Рыбин предусмотрительно оставил на стуле чистую рубашку и джинсы, которые, как он пояснил, принадлежали его дочери, но та была примерно того же размера. Алина благодарно приняла их и переоделась, чувствуя себя немного неуютно в чужой одежде, но понимая, что это лучше, чем ходить в мятом вчерашнем.

Они вышли из дома, сели в машину, и Рыбин повёз её в лабораторию. По дороге он рассказывал, что ночью его люди проверили туннель из подвала типографии. Он вёл к старой канализационной трубе, которая выходила на поверхность в полукилометре от здания, у заброшенного гаража. Там были найдены свежие следы шин — кто-то уехал на машине. Камеры на ближайших перекрёстках зафиксировали тёмный седан без номеров, но лицо водителя разглядеть не удалось. Трофимов снова ускользнул.

— Значит, у него есть машина, — сказала Алина. — И он хорошо знает этот район. Он там как рыба в воде.

— Мы выставили посты на всех выездах из промзоны, но он, скорее всего, уже далеко. Или, наоборот, где-то рядом, наблюдает за нами. Такие типы любят быть вблизи, чтобы видеть, как мы мечемся.

— Да, — согласилась Алина. — Он получает удовольствие от нашего замешательства.

Они подъехали к зданию лаборатории — неприметной серой постройке с металлической дверью и охраной у входа. Рыбин показал удостоверение, и их пропустили. Внутри пах-

ло химикатами, бумагой и стерильной чистотой. Криминалисты уже работали: на столах лежали пакеты с уликами, в углах стояли микроскопы и спектрометры.

Ивлев встретил их у входа и сразу повёл в комнату для вскрытия конвертов. Там уже был подготовлен стол, на котором лежали конверты, извлечённые из типографского подвала. Их было шесть. Все с именем Алины, все запечатанные, с разными датами — судя по пометкам на обратной стороне, они были написаны в течение последних трёх месяцев.

— Мы не вскрывали их, — сказал Ивлев. — Ждали вас. По инструкции, содержимое должно быть извлечено экспертом в присутствии следователя.

Алина надела перчатки и взяла первый конверт. Он был плотным, бумажным, без обратного адреса. Она поднесла его к свету — внутри что-то было, но не письмо, скорее фотография или открытка. Она аккуратно вскрыла его канцелярским ножом, стараясь не повредить содержимое. Из конверта выскользнула цветная фотография.

На снимке была изображена сама Алина. Она сидела в кафе, том самом, где пила кофе вчера, и смотрела в окно. Фото было сделано с улицы, через стекло, в тот момент, когда она листала папку с материалами дела. Она почувствовала, как кровь застывает в жилах.

— Он следил за мной, — выдохнула она. — Вчера. Пока я была в кафе.

Рыбин подошёл, взял фотографию, рассмотрел.

— Качество хорошее, сделано профессиональным объективом. Он был недалеко, может, в машине напротив. И вы не заметили.

— Я видела кого-то в тёмном плаще, но подумала, что это совпадение. А он... он снимал меня. Это как предупреждение.

Она взяла второй конверт. Внутри лежала сложенная вчетверо бумага. Она развернула её — это была копия старого свидетельства о рождении, но с изменённой фамилией. Вместо «Градова» было написано «Трофимова», и внизу стояла дата — та же, что и у Алины, но год был сдвинут на пять лет. Ниже шла надпись от руки: «Ты носишь его имя, но должна была носить моё. Мы могли бы быть одной семьей.»

Алина перевела дыхание. Это было безумие. Трофимов считал себя её духовным отцом, наследником дела Градова, а её — своей дочерью по духу. Он переписал историю, создавая альтернативную реальность, в которой он был наставником, а отец Алины — лишь бледной тенью.

— Он сошёл с ума, — сказала она. — Он искренне верит, что его метод — единственно верный, что он должен был заменить моего отца в моей жизни.

Рыбин нахмурился.

— Если он так считает, то он не просто убийца. Он идеолог. Такие самые опасные — они действуют не ради денег или страсти, а ради «высшей» цели. Они готовы на всё.

Третий конверт содержал план — нарисованную от руки

карту района с пометками. Алина узнала этот район: там находился дом её детства, где она выросла и где сейчас жила её тётя, сестра матери. На карте было отмечено красным крестиком здание школы, в которой она училась.

— Он знает мою семью, — прошептала она. — Он знает всё.

Четвёртый конверт был самым тонким. Внутри оказался всего один лист, на котором было написано: «Ты не можешь спасти всех. Но ты можешь спасти одного. Выбирай: тетя или подруга? У тебя есть 24 часа».

Алина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она схватилась за стол, чтобы не упасть. Трофимов не просто угрожал ей — он требовал от неё выбора. Жизни близких ей людей в обмен на что-то. Что? Она не знала.

— Полковник, — сказала она, голос дрожал, хотя она пыталась взять себя в руки. — Он угрожает моей тёте и моей подруге. Я должна позвонить им, предупредить.

— Мы уже сделали это, — вмешался Ивлев. — Как только я увидел содержимое конверта, я отправил наряды к их адресам. Они под охраной. Ваша тётя в безопасности, она сейчас в полицейском участке. Подруга, Екатерина, тоже согласилась уехать в безопасное место.

Алина выдохнула с облегчением, но напряжение не отпустило. Трофимов умел бить точно в цель. Он знал её слабые места и давил на них.

— Что в остальных конвертах? — спросил Рыбин.

Пятый конверт содержал фотографию её отца, сделанную за несколько месяцев до самоубийства. На обороте была надпись: «Он не убивал себя. Это сделал я. Но он хотел умереть. Я дал ему то, чего он хотел».

Алина закрыла глаза. Слезы подступили к горлу, но она сдержала их. Она не имела права плакать, сейчас ей нужно было быть сильной.

— Он признаётся в убийстве моего отца, — сказала она глухо. — Это уже не просто подделка документов. Это убийство. Мы можем привлечь его за это.

— Если поймает, — сказал Рыбин. — Но сначала посмотрим, что в шестом конверте.

Алина взяла последний конверт. Он был самым толстым, внутри лежала стопка бумаг. Она вытащила их и начала просматривать. Это были выписки из банковских счетов, копии договоров купли-продажи, доверенности на продажу недвижимости — все с подписями, которые она узнавала. Подписи жертв. Но не только. Там были ещё десятки имён, которые она не знала.

— Это его «клиенты», — сказала она. — Люди, чьи подписи он подделал. Судя по документам, он участвовал в сделках с недвижимостью на сотни миллионов рублей. Он создал целую сеть фальшивых сделок, и, возможно, некоторые из этих людей уже мертвы, как наши жертвы.

Рыбин взял документы, бегло просмотрел.

— Это вещдоки, которые отправят на исследование. Но

сначала мы должны найти его. Он оставил нам загадку — выбор между тетей и подругой. Но они уже под охраной. Значит, он либо блефует, либо готовит что-то другое.

Алина покачала головой.

— Он не блефует. Он всегда говорит то, что делает. Если он сказал, что я должна выбрать, то он ждёт моего выбора. Он хочет, чтобы я пришла к нему сама, чтобы предложить себя в обмен на жизни других.

— Вы хотите сдать его? — в голосе Рыбина послышалась тревога.

— Нет. Но я хочу встретиться с ним. Лично. Если он увидит, что я не боюсь, что я готова играть по его правилам, он может раскрыться. Он хочет, чтобы я восхищалась его работой. Я могу сделать вид, что я поддалась, что я согласна на его условия. И когда он будет уверен, что я на его стороне, он приведёт меня в своё логово. Тогда мы сможем взять его.

— Это слишком рискованно, — сказал Рыбин. — Мы не можем рисковать вашей жизнью.

— А если я скажу, что выбора нет? — возразила Алина. — Если я не соглашусь, он убьёт моих близких. Он уже доказал, что умеет проникать в охраняемые места. Помните, он был у меня дома, пока я спала. Он может сделать это снова.

Рыбин замолчал, переваривая её слова. Затем он медленно кивнул.

— Хорошо. Но мы сделаем это, по-моему. Вы встретитесь с ним, но под нашим контролем. Мы установим на вас скры-

тый микрофон и маячок. Ивлев будет рядом, но в укрытии. Если он попытается что-то сделать — мы вмешаемся.

— Согласна, — сказала Алина. — Но как мне связаться с ним? У нас нет его номера.

— В конвертах нет никакого контакта, — сказал Ивлев. — Но может быть, он сам свяжется с вами. Он ведь знает, что вы вскрыли его письма. Он ждёт вашего ответа.

Алина взяла лист бумаги и написала короткую фразу: «Я согласна на твою игру. Приходи за мной». Она положила её в конверт, заклеила и отдала Ивлеву.

— Оставьте этот конверт в моей квартире, на стуле, где лежал мой предыдущий ответ. Если он наблюдает за мной, он увидит его и свяжется.

Рыбин одобрительно хмыкнул.

— Хитро. Да, это может сработать. Ивлев, сделай.

Ивлев забрал конверт и вышел. Алина осталась в лаборатории с Рыбиным, глядя на разложенные перед ней улики. Она чувствовала себя одновременно сильной и уязвимой, но в ней горела решимость довести дело до конца.

— Полковник, я хочу посмотреть все старые дела, связанные с Трофимовым. Те, что касались моего отца. Если я пойму его мотивы, я смогу предсказать его следующий шаг.

— Я запросил их из архива, — сказал Рыбин. — Их привезут через час. А пока давайте перекусим. Вы выглядите так, будто не ели со вчерашнего дня.

Он был прав. Алина почувствовала, как желудок сводит

от голода. Они спустились в столовую, взяли по бутерброду и чаю, сели за угловой столик.

— Скажите, Градова, — начал Рыбин, откусывая сэндвич.

— Вы когда-нибудь сомневались в своём методе?

Алина задумалась.

— Сомневалась. Каждый день. Особенно после того, как Серебряков публично унизил меня. Но каждый раз, когда я вижу такую вещь, как эти подписи, я понимаю, что метод работает. Это не магия. Это закономерности. И когда я вижу, как они раскрывают правду, я не могу остановиться.

Рыбин кивнул.

— Я тоже сомневался в вас. Но теперь я вижу, что вы — не просто эксперт. Вы — часть этого дела. Вы и убийца связаны чем-то более глубоким, чем просто расследование. Он выстроил свою жизнь вокруг вашей семьи. Это почти как... как одержимость.

— Да, — согласилась она. — Он считает, что я — его наследница, что я должна закончить его дело. Но я не хочу быть его наследницей. Я хочу быть его судьёй.

Они поели, и через час Ивлев вернулся с новостью.

— Мы оставили конверт в вашей квартире. И, как вы и предположили, через полчаса после этого я получил сообщение с неизвестного номера. Там одна фраза: «Завтра в полночь. Приди одна на Бородинский мост. Я буду ждать».

Алина сжала чашку так сильно, что побелели пальцы.

— Это ловушка, — сказала она. — Он хочет, чтобы я при-

шла туда ночью.

— И мы не собираемся посылать вас туда одну, — сказал Рыбин. — Мы окружим мост с двух сторон, переоденем агентов под прохожих. Вы будете в центре. Как только он покажется — мы его возьмём.

— А если он не покажется? Если он просто проверит, приду ли я, и уйдёт?

— Тогда мы отследим его по маячку, который будет у вас. Он будет знать, что вы пришли, и рано или поздно выйдет на контакт.

Алина кивнула, хотя внутри её терзал страх. Она не знала, что её ждёт завтра. Может быть, смерть. Может быть, разоблачение. Но она знала одно: она должна была это сделать.

Они провели остаток дня в подготовке: установка маячка, тренировка с микрофоном, разработка планов отхода. Алина несколько раз репетировала свои действия: как будет стоять, как говорить, как вести себя, чтобы не выдать страха. Она понимала, что Трофимов — психолог, он читает людей, и любая фальшь может стоить ей жизни.

Вечером они уехали из лаборатории и вернулись к Рыбину. Она снова легла в гостевой комнате, но сна не было ни в одном глазу. Она смотрела в потолок, прислушиваясь к ночным звукам, и думала о том, что через несколько часов она встретится с человеком, который убил её отца, который угрожал её близким, который хотел переписать её судьбу.

Она закрыла глаза, и перед ней встал образ Трофимова

— тот, что она представляла себе: худой, с пронзительным взглядом, с руками, которые идеально выводили линии. Она видела его тень на стене своей комнаты, слышала его шёпот, смешанный со стуком колёс поезда, с ветром за окном.

Она заснула только под утро, и сон был тревожным, с кошмарами, где она бежала по бесконечному мосту, а кто-то следовал за ней по пятам.

На следующее утро она проснулась от стука в дверь. Рыбин стоял на пороге с серьёзным лицом.

— Мы получили ещё одно сообщение. Он изменил место встречи. Не Бородинский мост, а парк «Сокольники», у фонтана. В полночь. Он пишет: «Приходи одна, без маячка. Я проверю, и если увижу что-то подозрительное — я уйду. И ты больше никогда меня не увидишь».

Алина почувствовала, как сердце ухнуло вниз.

— Он знает. Он догадался, что мы следим. Но как? Я была осторожна.

— Может быть, он увидел машины наблюдения, — сказал Рыбин. — Или у него есть доступ к вашей информации. Он может быть на шаг впереди.

— Что мне делать? — спросила она, чувствуя, как паника нарастает.

— Вы всё равно должны идти, — сказал Рыбин. — Но мы разместим людей в парке заранее, без машин. Они будут в штатском, как обычные посетители. Вы не возьмёте маячок, но мы будем следить за вами через спутник и микрофон —

но микрофон будет скрытый, не электронный, чтобы его не запеленговали.

Алина кивнула. Она знала, что это риск, но другого шанса не было.

Они выехали в парк вечером. Стемнело, зажглись фонари. Алина вошла в парк через главный вход, чувствуя, как каждый лист, каждый звук становится частью чужого плана. Она шла к фонтану, и её шаги звучали в тишине как удары метронома.

У фонтана никого не было. Она остановилась, огляделась. Вокруг — ни души, только редкие прохожие, которые уже не обращали на неё внимания. Она ждала, сжимая в кармане пальто листок с запиской, которую она написала на случай встречи: «Я пришла. Что дальше?»

Прошло пять минут, десять. Никто не появился. Она уже начала думать, что он не придёт, когда вдруг из-за дерева вышел человек. Он был в тёмном пальто, с надвинутой на глаза шляпой. Он медленно приблизился и остановился в двух метрах от неё.

— Алина, — сказал он. Голос был низким, хриплым, но в нём звучала странная нежность. — Я знал, что ты придёшь.

Она смотрела на него, и сердце её колотилось. Это был он. Трофимов. Она видела его лицо — худое, с глубоко запавшими глазами, с сединой на висках. Он был старше, чем она представляла, но в его взгляде читалась та же одержимость, которую она видела на фотографиях из дневников отца.

— Ты искал меня, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Почему?

— Потому что ты — продолжение меня, — ответил он. — Ты носишь его кровь, но в тебе — мой дух. Твоя работа, твой метод — это то, что я вложил в твоего отца. Но он не понял этого. Он украл мои идеи, исказил их. Ты же — ты поняла. Ты единственная, кто достоин, продолжать моё дело.

— Ты убил людей, — сказала она. — Ты убил моего отца.

— Он хотел умереть, — спокойно сказал Трофимов. — Я просто ускорил процесс. Он знал правду, но не мог жить с ней. А я могу. Я живу с правдой каждую минуту. И я хочу, чтобы ты жила с ней тоже.

Он протянул руку, и в ней был конверт — точно такой же, как те, что она вскрывала.

— Возьми это. Там всё, что нужно знать. Если ты прочитаешь и примешь мою правду, ты придёшь ко мне снова. Если нет — ты никогда меня не увидишь.

Алина взяла конверт. Она чувствовала его вес в руке — лёгкий, почти невесомый, но в нём, возможно, была разгадка всего.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она. — Зачем вся эта игра?

— Потому что я один, — сказал он. — Я всегда был один. А ты — ты как я. Ты тоже одинока. Ты ищешь ответы, и ты найдёшь их только со мной.

Он повернулся и начал уходить, растворяясь в темноте

парка. Алина смотрела ему вслед, сжимая конверт. Она хотела закричать, позвать помощь, но слова застряли в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.